

Алексей Корепанов

---

*Раздумья
Атланта*

Алексей Корепанов

Раздумья Атланта

«Издательские решения»

Корепанов А.

Раздумья Атланта / А. Корепанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931590-8

Не было ничего особенного в блюде, которое висело на стене в комнате Андрея. Да, вещь, конечно, старинная, но не более чем ширпотреб — так сказали специалисты. Не серебро и не золото. Но почему тогда вокруг этой вещи завязывается какая-то не то что странная, а и вовсе неправдоподобная возня?..

ISBN 978-5-44-931590-8

© Корепанов А.
© Издательские решения

Раздумья Атланта

Алексей Корепанов

© Алексей Корепанов, 2018

ISBN 978-5-4493-1590-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дождь барабанил по корпусу «москвича» с таким остервенением, словно хотел изрешетить его, добраться до меня и вырвать-таки долгожданное согласие. Дождь лил неспроста, дождь был орудием врагов, поразившим меня при возвращении в город. Лобовое стекло уцелело, хотя «москвич» перевернулся раза три, не меньше, а вот стекла обеих задних дверей были разбиты. Кувыркаясь вниз по склону вместе с автомобилем, я слышал их хруст о прибрежные камни. Ничего, могло быть хуже. Гораздо хуже. И не только «москвичу». Впрочем, каждое мое движение отдавалось резкой болью в боку, а левую ногу нельзя было повернуть – похоже, там был даже не вывих, а перелом...

Я, привалившись к дверце, полулежал на переднем сиденье, смотрел в темноту, сдавившую мой «москвич», и слушал, как беснуется дождь. Мне ничего не хотелось. Я готов был сидеть так до скончания веков – что такое боль? К боли можно привыкнуть, сжиться с ней, перестать ее замечать. К другому нельзя привыкнуть... Я чувствовал себя беспредельно уставшим. Ни разу в жизни, ни разу за все тридцать с лишним лет своего существования на земле я так не уставал. Я был бы рад навсегда слиться с этой темнотой и этим дождем...

И всего-то, наверное, не больше часа провел я здесь, в своем разбитом «москвиче», превратившемся после аварии в простое укрытие от непогоды. Но казалось, что уйма времени прошла с тех пор, как я, ни на мгновение не забывая о необходимости быть предельно осторожным, тащился со своего «садово-огородного» участка по знакомой до каждой колдобинки проселочной дороге. Лучше было бы, конечно, вообще не садиться за руль – но садово-огородные дела надо делать в срок, их не отложишь на зиму.

Так и тащился я со скоростью катафалка мимо пригородных полей, прямо навстречу заходящему солнцу, и, выехав на очередной холм, уже разглядел вдаль, в низине, зеленые сады и домики городской окраины, когда у «москвича» вдруг заглох мотор. Поломка была не из самых серьезных, но все-таки я провозился до сумерек, изрядно покопавшись во внутренностях своего давно достигшего пенсионного возраста и чиненого уже перечиненого средства передвижения. (Автомобиль достался мне от отца, и сосед мой по лестничной площадке величал его за дряхлость «Агасфером».) А потом вдруг налетел ветер, и оказалось, что полнеба закрыла незаметно подползшая сизо-черная туча – и начало лить, сперва потоками, потом потише, но с таким самоуспоением, что можно было смело утверждать: это на всю ночь. С натужным гулом проплыл мимо, расплескивая жижу, последний рейсовый автобус, битком набитый возвращающимися в город садово-огородниками, и я потихонечку тронулся следом, стараясь не допускать ни малейшей доли риска.

Но ни разу не посещали меня вещие сны, и не было у меня никаких зачатков ясновидения. И я совершенно не был готов к тому, что целый участок дороги над откосом, спускавшимся к заросшей камышами речушке, участок, по которому только что успешно прокатил переполненный автобус, вдруг провалится под колесами моего «Агасфера». Дождь ли был в этом виноват или что-то другое? Я был уверен, что дело тут отнюдь не в дожде...

Ничего не успел я сообразить, когда мокрая земля в полном смысле слова разверзлась под колесами, и «москвич» нырнул носом в образовавшуюся промоину. Выскочить я тоже не успел, и ни о чем не думал, оцепенев в скользящем к откосу автомобиле.

Отделался я все-таки сравнительно легко, и теперь сидел поздним июньским вечером в помятом своем труженике дорог, который после этих кувыркков въехал в речушку и застрял передними колесами в илистом дне.

Звать на помощь было бессмысленно – некого было звать на помощь в этой дождливой темноте. Пробраться вдоль речки к городу тоже не имело смысла, потому что чуть дальше, в излучине, берег превращался в болото. Да и мог ли я пускаться в путь с этой своей то ли вывихнутой, то ли сломанной ногой? Я ведь не Маресьев... Выбраться на дорогу я тоже вряд ли бы сумел. В общем, оставалось коротать ночь вдвоем с «Агасфером» и уповать на то, что все-таки настанет утро и кто-нибудь поедет по этой дороге.

Могло быть хуже, продолжал утешать я себя. Хотя не знаю, можно ли придумать что-нибудь хуже того положения, в котором я находился с недавних пор. С очень недавних пор...

* * *

В тот день мне на работу позвонила Алена. Было уже около пяти, производственная деятельность в отделе потихоньку затухала, а я так и вообще закрыл программу и осваивал новую компьютерную игру, добытую по бартеру у соседей-конкурентов.

– Привет, Дрюня! – сказал телефонный голос Алены. – Не утомился от своих компьютеров?

Ничего такого особенного в ее словах не было. Это были обычные слова, но только их всегда произносил я.

«Привет, Алена, – говорил я, позвонив в ее лабораторию. – Не устала от возни с пробирками?»

И мы договаривались о встрече.

А теперь вдруг позвонила она.

– Могу угостить шампанским, – заговорщически продолжала Алена. – Если пригласишь, конечно. Или у тебя какие-то планы?

– Жалованье, наконец, выдали, что ли? – сообразил я.

– Ага, – подтвердила Алена.

– Счастливая! – позавидовал я. – А в нашей конторе жалованьем пока и не пахнет, так что угостить не могу. А твое распивать... Я же не сутенер какой-нибудь. И не альфонс. Я простой «котяга». («Котяга» – это наше производное от нашего же определения собственной специальности: «компьютерный работяга».)

– Дурак ты, Андрюша, а не сутенер, – ласково сказала Алена. – С получки отдашь. Ну так что?

В общем, мы договорились, и по окончании рабочего дня, заскочив в магазин за хлебом, я поехал забирать Алену. Обгоняя меня, с презрительным шелестом пронеслись мимо изящные мощные «иномарки» с мордастыми парнями за рулем и их златовласыми спутницами. Я не испытывал зависти. У меня был мой «Агасфер» и меня ждала очаровательная Алена.

Уж не знаю, что такое неотразимое нашла Алена в давно пережившем сезон молодости и к тому же разведенном «котяге». Ситуация, в которой мы познакомились, не отличалась необычностью. Я не вытаскивал ее из морских глубин, и не спасал от пьяных хулиганов, и не вызволял с балкона пятого этажа охваченного пламенем дома. Мы просто однажды оказались соседями по купе, как в старом кинофильме. Ничего необычного. Необычным для меня было то, что Алена, кажется, не собиралась упускать меня из виду, и намерения у нее, по-моему, были самые серьезные. Миновала зима, и миновала весна, а мы продолжали встречаться, и совсем неплохо проводили время в моей квартире. Это было уже нечто большее,

чем рядовая развлекаловка, я все чаще ловил себя на том, что мне как будто бы уже и не хватает Алены... И все-таки не решался переступить черту перемен – имел уже печальные уроки и побаивался их повторения. Алена тоже не форсировала события, наверняка понимая все женским своим чутьем. Так пока что и шли мы с ней – вроде бы и рядышком, но вроде бы и не вместе...

Я затормозил возле скверика, не доежая до автобусной остановки, и начал высматривать Алену. Толпа там собралась порядочная, но Алена выскочила откуда-то сбоку, из-за буйно разросшихся кустов. И быстро забралась в машину, проскользнув в предусмотрительно открытую мною переднюю дверь.

– Привет, – сказал я и поцеловал ее. От ее щеки слабо повеяло незнакомыми духами. – За тобой гонятся поклонники?

– Ага, целая орава, – подтвердила Алена, перебрасывая на заднее сиденье довольно плотно загруженный полиэтиленовый пакет.

– Духи зачем-то поменяла, – ворчливо сказал я, вырুলывая от тротуара. – Бережешь, что ли?

– Почему берегу? – не поняла Алена.

Я взглянул на нее. Она была чертовски привлекательна, за ней действительно не грех было погнаться не то что сквозь кусты, но и по болотищу нехоженому: светлые, в меру подкрашенные чем-то золотистым волосы, серо-зеленые глаза, умеющие смотреть с какой-то особенной нежностью... Желтая полупрозрачная блузка в обтяжку давала возможность убедиться в прелести линий тела, а вот брюки Алена, по-моему, носила совсем зря – с ее-то ножками! («Я от ног твоих, Алена, делаюсь умалишенным», – сам сочинил!)

– Я подарил – потому и бережешь, – ответил я, мимолетно удивившись ее непонятливости, и тут же забыв об этом.

– Ой, берегу, Дрюнечка! – улыбнулась Алена. – Кто знает, когда еще подаришь, и подаришь ли?

Ничему я тогда, конечно, не придавал значения, да и не мог придавать. Неожиданный Аленин звонок. Наша встреча не возле ее работы, как обычно, а у совсем другой остановки. Чуть ли не спринтерский рывок из сквера в машину. Эти новые духи. А до того – визит сухощавой леди по поводу анкетирования для «Вечернего вестника». Ни о чем я не подозревал, и только потом... Случалось, я мог прервать неприятный или просто страшный сон, но как вынырнуть из вот этого затянувшегося сна – я не знал.

Перебрасываясь фразами о том, о сем, мы оставили позади оживленный центр, прокатили по мосту, и «Агасфер», кряхтя, полез в гору, упорно сокращая расстояние до моего жилища, доставшегося мне от родителей. Бывшая моя жена ни словом не обмолвилась о дележе и размене жилплощади, и еще до развода, забрав дочку, ушла к своей маме, в такую же двухкомнатную квартиру.

Результатом активной получасовой деятельности Алены на кухне оказался очень даже неплохой ужин. По телевизору шла очередная серия чего-то латиноамериканского, мы попили шампанское – и вдруг одновременно посмотрели на мой широкий, уже хорошо знакомый Алене диван...

* * *

До сумерек было еще далеко, из раскрытого окна доносились со двора крики резвящейся малышни и идиотский гогот подростков, ежевечерне оккупировавших ими же искалеченную и заплеванную беседку. Я лежал на диване. На паласе рядом с диваном белели Аленины трусики, а сама Алена голышом прохаживалась по комнате, оправляя свои длинные волосы цвета летнего солнца. Я любовался ее стройной фигурой и накапливал силы для нового штурма.

Алена остановилась у письменного стола (за этим столом отец всегда писал и просматривал свои конспекты, готовясь к лекциям), принялась водить пальцем по корешкам книг, которыми была битком набита полка над столом. Я продолжал смотреть на нее, на ее оттопыренную попку, на белые мячики груди. Их упругость до сих пор словно бы ощущали мои пальцы. Алена передвинулась вдоль стола, притронулась к висевшему на стене небольшому темно-зеленому блюду (это уже осталось от мамы) и, кажется, слегка вздрогнула, как будто блюдо было наэлектризовано. Обернулась, увидела, что я смотрю на нее – и, улыбнувшись, направилась к столу с остатками нашего незатейливого пиршества.

– Ты неплохо устроился, – заявила она, подходя к дивану с двумя наполненными фужерами в руках. – Рыбка золотая желания его выполняет, шампанское в постельку подает...

– На то и рыбка, чтобы попасться в сети, – многозначительно изрек я, принимая фужер. – По-моему, рыбкам без сетей было бы просто неинтересно.

Она присела рядом, и мне, конечно же, сразу захотелось ее обнять, и я слегка сжал кончиками пальцев ее сосок. Но все-таки выпил свое шампанское – а вот она свое допить не успела...

Потом мы лежали рядом, и я перебирал ее волосы и внезапно понял, только после второго раза понял, что у меня с ней сегодня как-то не так. Не то чтобы хуже или лучше – а просто чуть-чуть по-другому. Впрочем, подумал я об этом вскользь, мимоходом, не утруждая себя анализом собственных ощущений. Потому что и «чуть-чуть по-другому»

было более чем хорошо.

– Сережа, домой! – раздался зычный голос моей соседки со второго этажа.

Это она с балкона звала свое малолетнее чадо, которое обычно по вечерам так носилось и прыгало по квартире над моей головой, играя то ли в войну, то ли в индейцев, что у меня с потолка сыпалась побелка.

Побелка давно уже нуждалась в замене. Да и вообще квартиру желательно было привести в более-менее божеский вид (ремонт мы с Людмилой делали на заре супружества, когда еще была жива моя мама), и я вспомнил, что собирался вечером позвонить насчет относительно дешевой облицовочной плитки – дали мне один телефончик. Дело было неотложным, потому что плитка могла подорожать (как чуть ли не ежедневно дорожало все вокруг), поэтому я чмокнул утомленную расслабленную Алену в ямочку под горлом и направился в прихожую, к телефону.

Но телефонная трубка не подавала никаких признаков жизни. С полминуты я тщетно хлопал по рычагам и теребил шнур, а потом вернулся к Алене. Разлил по фужерам остатки шампанского и устроился на диване возле нее.

– Теперь бутылка с меня, – напомнил я и поцеловал ее в шею. – Или даже две. А телефон, зараза, вырубился. Провожу тебя и придется звонить от соседей, не то идея ремонта погибнет в самом зародыше.

– Мр-р... – разнеженно мурлыкнула Алена. – Ты меня уже выгоняешь?

– Что ты, Алечка! Оставайся хоть до утра.

Я всегда отвозил ее домой не позже одиннадцати. Алена давным-давно была совершеннолетней, но ее папа и мама имели свое мнение относительно времени возвращения дочери с вечерних прогулок. И представляю, что они бы мне устроили, если бы узнали, чем мы с Аленой занимаемся в часы досуга...

– Мр-р... – вновь промурлыкала Алена. – А шампанское считай моим подарком.

– Мерси. – Я погладил ее по бедру. – Значит, за мной ответный подарок.

– Да? – Алена заинтересованно распахнула глаза. Повернулась ко мне, обняла, прижавшись всем телом. – А если я попрошу не духи, а что-нибудь другое?

– Но только в пределах разумного, – улыбнулся я.

Алена разжала руки, легонько оттолкнула меня и отодвинулась к краю дивана. Сказала со вздохом:

– Вот наконец ты и показал свое истинное лицо.

Все это, конечно, было шуткой, но я вдруг почувствовал себя жлобом и скрягой. И ведь даже цветы, сукин сын этакий, дарил уже не при каждой встрече. Эх, рыцарь и кавалер наших дней, «котяга» занюханный – лишь бы потрахаться ему! Не «котяга», а котяра...

Я притянул ее к себе, забормотал, зарывшись носом в ее волосы:

– Прости дурака, Аленушка! Это мне шампанское по мозгам вдарило, а они у меня и так набекрень... Подарю все что пожелаешь.

– Ты это серьезно? – Голос Алены внезапно прозвучал очень строго.

Но я все-таки надеялся, что она просто развлекается и не будет требовать луны с небес и прочих недоступных вещей.

– Серьезно, Алечка. Говори, чего твоя душа желает?

– Хорошо, – быстро ответила Алена, и я по-прежнему не уловил даже намека на игривую интонацию.

Она подняла руку и показала на стену:

– Тогда подари мне свое блюдо.

Я замер. Слова Алены оказались для меня полнейшей неожиданностью.

Блюдо было семейной реликвией. Я помнил его с детства, с тех еще времен, когда мы жили в старом доме с высокими потолками, сырыми стенами и очень холодными полами. Тогда оно стояло в кухонном буфете, подпертое горкой тарелок. Иногда я вынимал его оттуда и рассматривал причудливые узоры, покрывавшие слегка вогнутую поверхность. По словам мамы, блюдо переходило из поколения в поколение в ее роду, и его всегда передавали последнему наследнику. Или наследнице. Откуда оно взялось и в чем, собственно, заключалась его ценность, мама не знала. Никаких преданий на сей счет до наших времен не дошло, но от своего отца (моего деда, умершего, когда я еще не появился на свет) мама слышала, что за сохранность реликвии можно не беспокоиться. Были в прошлом случаи, когда блюдо похищали вместе с другими вещами, но потом оно непременно возвращалось к владельцу.

Все это, конечно, являлось устным народным творчеством чистой воды, но несколько не уменьшало значимость реликвии – ведь не зря же мои прапрадедушки и прапрабабушки завещали своему младшему сыну или своей младшей дочери не продавать и не отдавать блюдо. То же самое говорила мне и мама... Конечно, никакой такой особенной ценности блюдо не имело (показывал я его разбиравшимся в этих делах людям), и было оно, скорее всего, самым обыкновенным ширпотребом восемнадцатого или девятнадцатого века – но чем измеряется ценность вещи? Что более ценно: новенький «мерседес» в твоём гараже – или чудом сохранившийся плюшевый медведь с оторванным ухом, без которого ты в детстве не ложишься спать?... Реликвия есть реликвия – и кто знает, не хранит ли она частицы душ предков, не приносит ли счастье в дом? Хотя какое там счастье... Отец умер от сердечного приступа, не дожив до пятидесяти, мама болела долго, угасала мучительно... И угасла... Дочка моя единственная больше не живет со мной в этой квартире...

Алена ничего о блюде не знала. Она вообще никогда им не интересовалась, принимая, наверное, за простое украшение, такую декорацию, призванную хоть как-то оживить неприглядный вид давно нуждавшихся в замене обоев. И надо же такому случиться, что именно сегодня она случайно обратила на него внимание, а тут как раз получился у нас этот разговор...

– Понимаешь, Аленушка, – смущенно начал я, – это у меня от мамы сохранилось. Оно должно всегда оставаться в нашем роду...

Алена внезапно обхватила меня за шею обеими руками, привлекла к себе, и моя голова оказалась на ее груди.

– А разве я против, Андрей? – Она опять говорила очень серьезно. – Тут ведь многое и от тебя зависит.

Намек был, как говорится, налицо. Не намек даже – только последний идиот не догадался бы, что имеет в виду Алена, а я себя идиотом не считал. Во всяком случае, последним. И было бы совершенно неуместно отделаться здесь какой-нибудь шуточкой.

Да, действительно я мог подарить это блюдо Алене и все-таки потом оставить его у себя. У нас с ней. Для этого нужно было сделать Алене предложение – срок, отпущенный мне на сомнения и раздумья, кажется, истекал...

Она молча лежала и ждала моего ответа.

Я поднял голову, сел. Разыскал свои трусы под скомканной простыней, надел и подошел к письменному столу. Алена продолжала молчать. Что ж, она свое сказала. Теперь дело было за мной.

Я снял блюдо с гвоздя и в который раз всмотрелся в его узоры и бегущие по кругу полустертые знаки-закорючки – то ли орнамент, то ли буквы неведомого мне языка. Однако в комнате уже сгущались сумерки, и я направился к распахнутому окну, как будто именно в этот раз должно было открыться мне значение этих узоров и закорючек. Пора, пора было решаться...

Держа прохладное блюдо на ладони, я отодвинул штору и машинально бросил взгляд во двор – как там мой «Агасфер»?

И чуть не выронил реликвию. В следующее мгновение я по пояс высунулся из окна, уставившись на ту, что направлялась к ступенькам подъезда и замедлила шаги, увидев меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.